

О.Б.Христофорова

КАК ИЗБЕЖАТЬ НЕСЧАСТЬЯ: АКТАНТНАЯ СТРУКТУРА ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Поведение человека в традиционных обществах Сибири определялось системой правил — запретов и предписаний, которые регламентировали практически все стороны жизни — от важнейших видов деятельности (промысел, приготовление и потребление пищи и т.д.) до ситуаций контакта с различными субъектами и объектами (определенными людьми, животными, предметами и т.п.). Считалось, что соблюдение этих правил гарантирует гармоничное течение жизни (удачу на охоте, здоровье, достаток), а нарушение влечет за собой различные несчастья.

Трудно представить, однако, что любое правило не может быть нарушено — случайно или целенаправлено. И действительно, в этнографических описаниях традиционных культур Сибири мы находим множество свидетельств существования определенных способов противодействия нежелательному результату нарушения правила.

Отметим, что встречаются два типа интересующих нас ситуаций: во-первых, случаи неумышленного нарушения правила, во-вторых, ситуации, когда проступок совершается сознательно. В первом случае описание способа противодействия включается в один текст с запретом; во втором случае прямого указания на запретность действия нет, здесь мы имеем дело с предписаниями соблюдать определенные условности при совершении необходимых действий, чтобы не навлечь на себя несчастье.

Например, у эвенов было запрещено срубить деревья, на которых имеются наросты; считалось, что это повлечет за собой ухудшение погоды. В случае нарушения этого правила нужно было уколоть иголкой в срубленное место [1. С. 200]. У ненцев запрещалось бить и тем более убивать собак (*нгылека* - злых духов). В то же время считалось недопустимым, чтобы собака умерла своей смертью - *нгылека* и в этом случае мог навредить человеку. Проблему решали следующим образом: отправляясь в путь, ненец привязывал старую собаку мертвой петлей за шею к нарте, а по приезде говорил: «Ой, у меня умерла собака» (устное сообщение этнолога Ю.Н.Квашнина).

Набор способов предотвращения несчастья в каждой культуре обычно строго определен, а сами способы достаточно стандартны, в силу чего они мо-

гут быть рассмотрены как клишированные отрезки знакового поведения, т.е. поведенческие тексты (в семиотическом понимании этого термина). Особенность этих текстов заключается в том, что они имеют коммуникативную природу, т.е. включены в ситуацию взаимодействия, и поэтому могут быть рассмотрены как «реплики» или «сообщения», имеющие адресанта и адресата, которых соединяет определенным образом кодируемая коммуникативная интенция.

Заметим, что средства кодирования данных сообщений могут быть различными — наряду с вербальным кодом используются акциональный и реальный (вещный) коды.

Для выявления особенностей коммуникативных ситуаций данного типа рассмотрим ряд примеров, разделив их на группы в соответствии с характером сообщения.

I. Человек не признается в совершении действия.

1. «Это сделал не я» (замена субъекта действия):

а) «Нельзя срубить деревья, на которых имеются наросты, — будет пурга или ненастье. Если срубили, тогда обязательно надо уколоть иглой в срубленное место» (эвены [1. С. 200]). Здесь «магическое» действие с иглой представляет собой сообщение человека: «виновата игла, а не я».

б) У эвенков при свежевании медведя предписывалось имитировать диалог с ним: человек, представляющий медведя, говорил: «Какие тут люди?», а свежующий отвечал: «Остяк (или юрак, якут, русский)». Чтобы не ссориться с медведем, нельзя было говорить «эвенк» [2. С. 161]. По этой же причине якуты, убив медведя, «тут же вынимали еще теплое сердце и проглатывали от него по сырому кусочку, крича по-вороньи "Хах! Хах!"» [3. С. 285].

в) Селькуп, убив медведя, обязан был обратиться к нему с такими словами: «"Выкамы" — младший брат мой, не гневайся на меня, это не я убил, а убило тебя ружье, сделанное русскими, а не мною. Так что вины на мне нет, и ты иди спокойно в Землю мертвых, в Нижний мир, не тая на меня обиды». Раньше, когда у селькупов не было ружей, охотник, добыв медведя, произносил такие слова: «"Выкамы" или "тынямы" - младший брат мой! Не гневайся на меня, это не я убил тебя, а стрела воткнулась в тебя, так как перья орла направили ее в тебя. Это не я убил тебя» (считалось, что орел сильнее медведя и ему медвежий гнев не страшен) [4. С. 54-55].

г) Когда собаки облаивают медведя (что запрещается правилами), мансийский охотник «скрывает их в разговоре, говоря не *амп* или *кути*, а *леегын утыт* ("с хвостами")» [5. С. 39-40].

2. «Я сделал не это»:

А. Замена предиката. Например, нанаец, убив ястреба, нес глаза его беременной женщине, которая их проглатывала (считалось, что это принесет удачу ее будущему ребенку). При этом говорили не *лунгури* — «глотать», а *дзяаури* — «прятать», т.к. женщине нельзя было есть глаза ястреба, и даже говорить, что женщина проглотила глаз, считалось грехом [6. С. 8].

Б. Замена объекта действия. Якуты, «убивая стельную корову или жеребую кобылу, при отделении плода место соединения режут вместе с травинкой, иначе коровы перестают телиться, а кобылы - жеребиться» [3. С. 293]. В данном случае человек делает вид, что режет траву (ср.: «При отеле коровы место соединения плода отрезают вместе со свежей травинкой, говоря "Срезали свежую траву"» [3. С. 293]).

3. «Я ничего не сделал»:

А. «Все произошло случайно». У якутов, «если случалось, что рысь попала в ловушку, охотник, перед тем, как взять зверя, притворно плакал, говоря: "Вот жаль-то, что благородный зверь темного леса погиб, забежав сюда"» [3. С. 286] (ср. вышеприведенный пример с умерщвлением старой собаки у ненцев).

Б. «Ничего не произошло вообще». В этом случае человек стремился пресечь возможную передачу нежелательной информации. Так, эвены считали, что грешно убивать орла и ворона, а «если кто-нибудь убил их случайно, то должен был повесить их на дерево вниз головой, зацепив за анальное отверстие». Такой акт объясняли тем, что мертвые птицы «из-за стыда не должны были идти жаловаться на охотника» [7. С. 198].

Как стремление пресечь передачу сообщения можно, видимо, рассматривать и такой способ противодействия нежелательным последствиям нарушения правила, как очищение: «Женщине нельзя наступать или перешагивать через рыболовные и охотничьи снасти. От этого охотник удачу теряет. Если баба перешагнула через ружье — в зверя никогда не попадешь. Над огнем ружье поддержишь — снова удача вернется» (ханты [8. С. 186]).

II. Человек признается в совершении действия, но отрицает свою вину, утверждая, что его вынудило так поступить поведение партнера по взаимодействию.

1. «Ты сам этого хотел» (перенос инициативы):

а) «Пока люди едят медвежье мясо, в пасть убитого медведя следует положить несколько кусков его же мяса, т.к. потом, когда медведь пожалуется на охотников, он сам будет выглядеть соучастником» (эвенки [7. С. 192]).

б) Чукча, найдя мухомор и готовясь его выкопать, обращался к нему с такими словами: «Это ты меня звал. Я чуть было мимо не прошел... так бы и ушел,

если бы ты меня не позвал». Цель этого обращения - убедить *хванак* (мухомор) в том, что его собираются выкопать и съесть лишь потому, что этого хочет сам *хванак*, а человек просто исполняет его желание [9. С. 44, 49].

2. «Я отвечаю на твой поступок» (перекладывание вины). Якуты считали, что «если кто-нибудь убьет ворона, то душа последнего летит к своему отцу Хара Сылгылаах'у с жалобой на обидчика. Тогда этот бог карает обидчика-охотника, насылая на него ужасную болезнь. Чтобы избежать этой беды, охотник прибегает к следующей хитрости: убив ворона, он кладет ему в рот что-нибудь из частей тела белого животного (горностая, зайца...), кладет вместе с клочком шкуры. Когда ворон является к отцу с жалобой, последний вызывает на суд "кут"-душу провинившегося во время сна. При допросе на суде кут-душа оправдывается тем, что будто он убил ворона за постоянное воровство его добычи... причем "кут" указывает на вложенные в рот ворона части животного как на вещественное доказательство... После такого объяснения Хара Сылгылаах прощает охотнику его обиду, считая первым зачинщиком своего сына» [10. С. 20-21].

III. Человек признает свою вину и просит о прощении.

Сообщения такого типа в большинстве случаев передаются с помощью реального (вещного) кода: человек как бы «откупается», платит своего рода «штраф». Например, селькупы всегда открывали запоры на реках в период нереста рыбы, ловили только отнерестившуюся. «Если и попадет икраяная - сразу жертву Матери рыб давали — прощения просили» [4. С. 130-131]. У нганасан большим грехом считалось убить гуся или утку в период появления птенцов. Если же это случалось по каким-то причинам, то приносились искупительные жертвы Депту-Нямы — Матери гусей [11. С. 19].

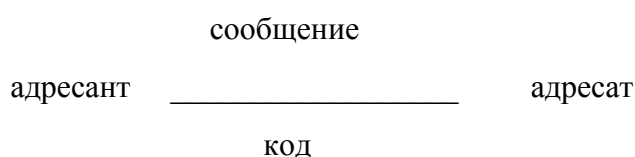
При передаче подобного сообщения может быть использован и акциональный код. Например, у якутов большим грехом считалось убить орла. Верили, что убитый орел летит к божеству Хотой Айыы и жалуется на обидчика. В ответ Хотой Айыы насыляет на человека смертельную болезнь. Чтобы избежать возмездия, человек, случайно убивший орла, поступает следующим образом: обортывает птицу в чистую бересту, идет с ней в лес, устраивает высоко на дереве лабаз и кладет туда мертвого орла со словами: «Великий дедушка-господин! Возвратись к своим создавшим предкам, не гневаясь на меня: я поднял твои серебряные кости, я положил в лабаз твои медные кости!» [10. С. 92].

Когда якутский охотник убивал рысь, зверя с почестями принимали в селении, где он «гостил» в течение трех дней. Потом шкуру снимали, а труп помещали в закрытый ящик, чтобы не тронули птицы и звери, и ставили на дерево. Целью этих обрядов было защитить охотника от возмездия (*сэм*) [3. С. 286].

Надо заметить, что разделение способов предотвращения несчастья на группы носит по преимуществу формальный характер; в конкретном тексте могут сочетаться признаки разных групп. Например, человек мог признаваться в совершении действия и вместе с тем утверждать, что это произошло случайно: «Конди'е — сову убивать нельзя. Сова — это Дямада (дух-помощник шамана. — *О.Х.*). Если сову кто убьет, то ее надо головой в сторону леса класть и говорить: "Я не виноват. Это я не нарочно"» (нганасаны [12. С. 167-168]). Для нас важно, что и в этом случае способ противодействия нежелательным последствиям нарушения правила осознается носителями традиции как реплика, адресованная человеком партнеру по взаимодействию.

Итак, на основании вышеизложенного мы можем сделать следующий вывод: способ избежать возмездия, которое является следствием случайного или сознательного пренебрежения человеком интересами конкретного существа, заключается в передаче этому существу определенного сообщения, призванного убедить, что человек не виновен в совершении проступка и, следовательно, не должен понести наказание.

Структуру данного взаимодействия можно описать, используя предложенную Р.О.Якобсоном схему коммуникативного акта:

При этом все возможные способы предотвращения несчастья, при всем их разнообразии, обнаруживают структурное единство, которое заключается в следующем. Во-первых, адресантом сообщения всегда является человек; во-вторых, модальный смысл сообщения (коммуникативная интенция адресата) также во всех случаях одинаков: убедить «обиженного» партнера по взаимодействию в невиновности человека. Различия же обусловлены тем, что варьируются образ адресата, код, используемый при передаче сообщения, и, наконец, тактика, которую избирает человек.

Рассмотрим подробнее данные параметры коммуникативного акта.

В ряде случаев адресатом сообщения выступают промысловые животные (медведь, рысь) или иные объекты (например, мухомор), в непосредственное взаимодействие с которыми вступил человек. В других случаях человек обращается к духам-хозяевам животных (Матери рыб, Матери гусей у самодийцев, якутским божествам айыысыт'ам, способствующим размножению лошадей и рогатого скота) или божествам более высокого уровня (таким, например, является якутское божество Хотой Айыы — Орел Создатель). Во всех случаях ад-

ресация сообщения обусловлена представлениями о конкретном персонаже, чьи интересы не уважил нарушитель правила, и, соответственно, который должен наслать на него несчастье, по сути являющееся ответом на поведение человека, наказанием за его проступок.

Средства кодирования сообщений, как уже отмечалось, могут быть различными. Так, словесное обращение (вербальный код) может быть совмещено с совершением определенных действий (акциональный код), принесением жертвы (реальный код) или заменяться последними. Слова, действия и вещи выступают здесь как альтернативные коды, с помощью которых осуществляется коммуникация. В тех случаях, когда сообщение «дублируется» (например, действие сопровождается вербальной формулой), слово иногда несет дополнительную смысловую нагрузку — уточняет, кому именно адресовано сообщение или что послужило причиной его «отправки».

Тактика, которую избирает человек, также может быть различной — от покаяния (отступление) до довольно агрессивного поведения (нападение). Надо заметить, что случаи, когда человек признает свою вину и просит о прощении, достаточно редки и касаются главным образом неумышленных проступков (см. примеры группы III). Наиболее часто поведение человека связано с прямым обманом партнера по взаимодействию. Этот обман может быть нескольких видов. Так, человек:

— отрицает свое участие в событии (I. 1. в, I. 3. А), иногда выдавая за себя другого (I. 1. а, б);

— подменяет сущность своего действия, называя по-другому его (I. 2. А) или объект, на который оно направлено (I. 2. Б);

— перекладывает ответственность за свои действия на второго участника коммуникативной ситуации (II);

— наконец, отрицает, что событие вообще имело место (I. 3. Б).

Во всех этих случаях человек, скрывая свои имевшие место действия или же маскируя истинные цели этих действий, управляет поведением партнера по коммуникации в выгодном для себя направлении, т.е. моделирует такую ответную реакцию партнера, которая бы гарантировала благоприятный исход непростой для человека ситуации. Человеческое поведение в данном случае оказывается сродни трюковому (о диалогической, рефлексивной природе трюка см.: [13. С. 150-151]).

В заключение отметим, что не всегда человек стремился избежать возмездия за совершенный проступок; напротив, иногда именно оно было его целью и вынуждало нарушать правила. Большинство подобных нарушений связано с так называемым «магическим изменением погоды». Так, например, у эвенков было

запрещено рассказывать сказки днем, считалось, что это вызывает непогоду (зимой — снегопад). Однако снег был необходим охотникам для выслеживания зверя, поэтому, если долго не было снегопада, накануне охоты рассказывали сказки, чтобы вызвать его [14. С. 67]. Подобным же образом якуты, желая вызвать метель, бросали в огонь заячий хвост, предварительно окунув его в воду [3. С. 288].

В тех случаях, когда последствия нарушения правила не были связаны с изменением погоды, человек совершал запретные действия только в самой экстремальной ситуации, под влиянием острой необходимости.

Например, человек, побывавший в лапах медведя, считался у негидальцев *галигда* — «несущим несчастье». У него нельзя было брать нож, огонь, тряпки, ремень и т.п., иначе «медведь может задрать». В.И.Цинциус зафиксировала случай, когда этот запрет был нарушен из-за наступившего голода: взятой у *галигда* тряпкой подманили медведя и убили его (интересно, что негидальцы считают, будто медведь в таких случаях «только на третий раз идет на человека», т.е. как бы говорит ему «одумайся!») [15. С. 191-192].

Другой пример. В марте, с началом нереста, селькупы прекращают ловить рыбу (во время нереста это строжайше запрещено). Однако в самых крайних случаях — неудачах в зимнем лове рыбы и безуспешной охоте — селькупы прибегают к «чрезвычайному» рыболовству: в морозный день в устье впадающей в озеро речки насыпается песочная или снеговая запруда; течение при этом останавливается и вода поднимается к уровню льда. Задышающаяся рыба устремляется вверх по течению и набивается в установленную на запруде ловушку. Улов при этом бывает обильным, но рыба из озера надолго исчезает [16. С. 341-342].

Как видим, человек сознательно нарушает запреты лишь в исключительных случаях; он идет на это, когда последствия проступка почему-либо выгодны для него, или же, не имея иного выхода, смиряется с неизбежностью «наказания».

ЛИТЕРАТУРА

1. Санги В.М. (сост.) Легенды и мифы Севера. М., 1985.
2. Василевич Г.М. О культуре медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - нач. XX в. Л., 1971 (СМАЭ. Т. 27).
3. Попов А.А. Материалы по истории религии якутов Виллюйского округа // СМАЭ. Т. 11, М. - Л., 1949.
4. Симченко Ю.Б. Тайга селькупская. М., 1995.

5. Источники по этнографии Западной Сибири / Сост. Лукина Н.В., Рындина О.М. Томск, 1987.
6. *Шимкевич П.П.* Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия // ЭО. 1897, № 3.
7. *Николаев С.И.* Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск, 1964.
8. Материалы по фольклору хантов / Сост. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Томск, 1978.
9. *Симченко Ю.Б.* Обычная шаманская жизнь. Этнографические очерки. М., 1993.
10. *Кулаковский А.Е.* Научные труды. Якутск, 1979.
11. *Симченко Ю.Б.* Нганасаны. Система жизнеобеспечения. М., 1992.
12. *Симченко Ю.Б.* Традиционные верования нганасан. М., 1996.
13. *Новик Е.С.* Структура сказочного трюка // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Е.М.Мелетинского. М., 1993.
14. *Гладкова Н.И.* Некоторые этнографические комментарии к фольклорному тексту эвенков Бурятии // Фольклор народов Севера СССР. Л., 1980.
15. *Цинциус В.И.* Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - нач. XX в. Л., 1971 (СМАЭ. Т. 27).
16. *Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.